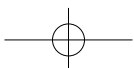
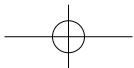

екатерина боярских

dagaz

ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ

ДАГАЗ

0-Г-И
Москва 2005

поэтическая серия **объединенного гуманитарного издательства** и клуба «проект о-г-и»

Координатор проекта Олег Шатъбежко

«Сопромат» — серия книг новейшей русской поэзии. Хотя обильный вектор поэтики авторов серии (или, если угодно, приемственность) достаточно точно и совсем не случайно определен выбором авторов предисловий, было бы неправильно пытаться объединить их какой-то единой концепцией. Серия — скорее констатация поэтического единства странства и времени для авторов, сначала как литературно-виртуального сообщества «Полутона» (www.poltona.ru), а потом и его вполне «реального» воплощения в качестве Калининградского поэтического фестиваля *SLOW/ИИО 2003–2004* гг. Почему «Сопромат»? У каждого автора серии есть свое, точное, однозначное толкование названия серии. Свой, так сказать, контекст. А вот общего, извините, нет.

Боярских Е. Г.

Б86 Дагаз / Екатерина Боярских. — М.: ОГИ, 2005. — 96 с. — (Проект ОГИ / Сопромат).

ISBN 5-94282-319-7

Ромдлаз в 1975 году в Иркутске. Окончила филологический факультет Иркутского университета и аспирантуру. Публиковалась в сборнике «Плотность ожиданий», антологиях «Нестолпичная литература» и «Russian women poetу», альманахе «Иркутское время», журнале «Сеневая поэзия» и др.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(Рос=Рус)-6-5

ISBN 5-94282-319-7

© Е. Г. Боярских, 2005
© И. В. Кукулин, предисловие, 2005
© Клуб «Проект ОГИ», серия, 2000
© ОГИ, 2005

«ОСТАНЕМСЯ ЖИВЫМИ ГОЛОСАМИ»: поэзия Екатерины Боярских

Поэзия Екатерины Боярских обладает парадоксальным сочетанием качеств: напряженно-внимательное чувство природы (Боярских едва ли не больше всех в молодой русской поэзии пишет про леса, листья, ручьи и скалы) — и в то же время огромное количество культурных аллюзий. Природа, отставаясь собой, оказывается у Боярских сразу и «лесом символов», и потусторонним миром, который является чело- веку в мистических прозрениях. «Сосна», которая «идет ку- паться» в поэме «Книга оборотней», — родная сестра сосны, выросшей в небесном «ттичнике» в поэме Даниила Хармса «Лана». Рядом с реальными лиственницами и кедрами по-являются персонажи архаического фольклора: «...на стеклян- ном лбу / вырастут деревья слезные, / лягут долины слез- ные...» («Нюродивый»).

Нужно представить автора подробнее, тем более что известна она пока мало и публикуется нечасто. Екатерина Боярских выросла и живет в Иркутске, в 2000 году получила премию «Дебют» в номинации «Поэма»*, до того она нигде не печаталась. После премии стихи Боярских публиковались в интернет-журнале «TextOnly», в альманахе «Вавилон», в антологии «Нестолпичная литература». По образованию — филолог, преподает русский язык в Иркутском университе- те. Этот сборник — первая книга ее стихотворений.

Книга называется «Дагаз» — то одному из знаков древнегерманского рунического письма, которое в символиче- ском истолковании означает день или светлую силу дня (в со-

* Поэма «Эхо женщин», за которую Боярских получила пре- мию, в эту книгу не включена. Ее можно прочитать в сборни- ке финалистов «Дебюта» 2000 года (названном по цитате из текста Боярских): Плотность ожиданий / Сост. О. Славиной и Д. Кузьмина. Предисл. Д. Кузьмина. М., 2001.

ответствии с этим книга, как можно видеть, разделена на четыре части, названные по временам суток). В книге есть заимствования из кельтской мифологии, цитаты из Данте, из древнеегипетского «Разговора разочарованного со своей душой», из «Северных элегий» Ахматовой, из «Мастера и Маргариты», из песен Владимира Высоцкого («Если кровь наша камень, а плоть облака, / значит, мы не ошиблись в своей высоте» — ср.: «Значит, нужные книги ты в детстве читал»)... Равно при- стальное внимание к литературе Серебряного века, к современникам и к отдаленным культурам, своеобразная «культурная эзотеричность» свойственны скорее непопулярной поэзии 1970–1980-х годов*, нежели авторам 1990-х — начала 2000-х. Однако Боярских — не эпигон: не принадлежа ни к явным новаторам, ни к последователям традиционалистам, она стихийно оригинальна. Субъект ее поэзии (в дальнейшем мы увидим, что слова «героиня» или «герой» к нему неприменимы) необычен и не похож на персонажей поэзии предшествующей эпохи.

Дейтвом этой книги является перифраз изречения, которое, по преданию, Григорий Сковорода завещал написать на своей могиле: «Мир ловил меня, но не поймал». У Боярских — наоборот: мир все время превосходит и обгоняет персонажей.

*Мир не ловил меня, но поймал,
и говорить не смею.*

(«Изгнанец»)

*... (мир заострился, а сам я не острился)...
(«Убегая от боли»)*

Сковорода — бродячий философ и поэт, считавший себя преемником древнегреческих мыслителей. Недаром имен-

* Ср. анализ стихотворений Александра Миронова начала 1970-х годов (также содержащих аллюзии на древнеегипетскую мифологию) в статье: *Нестеров А. Терменевтика, метафизика и «другая критика» // Новое литературное обозрение. 2003. № 61.*

но его вспоминают персонажи Боярских: они блуждают, как «живые голоса», рассеянные в пространстве. Их мечта — окатиться в родстве с миром, но сохранить самостоятельность:

*Глаза закрыть! Какие глаза? Нет никаких глаз!
Камни убрать! Какие камни? Нет никаких камней!
Недоступность предметов проходите.
Осмотрительность не поймет тебя,
в тебе нет ничего общего.*

(«Вокзал с закрытыми глазами»)

О каких бы местах Боярских ни писала, о тайге или о вокзале, это всегда окраина, край мира. Даже во времени есть «миг-на-краю». Стихотворения Боярских являют нам — не описывают, а именно выражают своим строем — распадающийся, кружащийся мельчайшими фрагментами мир. Парадокс заключается в том, что это кружение создает нездешний мир, в который можно уйти, как в мистическую реальность.

Окраина населена простыми, бедными, даже нищими персонажами: мальчик и пьяная женщина, плывающие в пруду утки, валяющаяся на краю дороги дохлая кошка, картофелина, принесенная с рынка... Только Боярских может сказать про то, что картошка — «настоящая красота, / у нее такие плазки!» Находясь на окраине, эти незаметные существа соседствуют с лесом и ручьями, составляют незаметное пограничье обитаемого мира. Они — малые духи, то напоминаящие людей, то наглазах герцога определяют и растворяющиеся в пейзаже:

*Над землей нависла туча:
леша речкин, вьяня пучкин,
гречкин, рачкин, водокачкин,
под ногами мать-земля.
До земли нависла проза,
по земле растут грибы,
это место для навоза,
это место для судьбы.*

(«Город, где я»)

Центральный образ этой книги — отдельно живущая голова, продолжающая говорить, радоваться «и, ничего не чувствуя, любить». Голова, отпущенная на свободу, одинокую, страшную, непредсказуемую, словно плавание раненого Тристана в лодке.

...а наверху мелькает голова.

Она еще нужна, чтобы не быть,

она еще нужна тебе твердить

до затверденья чуждыми зубами...

(«Умывance земли»)

Вот несут мою голову,

голю, на серебряном блюде.

(«Убегая от боли»)

...светло, и неизвестные окрестности божеественно-

пусты, и голова

не думает о том, кто отрубил ее, стрекочет,

и щекочет, и летает...

(«Под солнцем время рек...»)

Мотив отрубленной головы отсылает прежде всего к Орфею (но также и к Иоанну Крестителю): голова Орфея, отрубленная гневными менадами, поплыла по реке Гебр и приплыла к острову Лемнос, где долгое время пророчествовала*. В стихотворениях Боярских отрубленная голова поэта по-прежнему дает в иной, «божеественно-пустой» мир. Расчлененное тело становится источником творчества — эта мифологема восходит к древнейшим мифам о поэзии**.

Сюжеты многих стихотворений Боярских отсылают не к конкретным мифам, но скорее к мифологическим архетипам,

* Лосев А. Ф. Орфей // Мифы народов мира. Энциклопедия:

В 2 т. М.: Смоленск; Минск, 1994. Т. 2. С. 263.

** См.: Толстов В. Н. Об «эктропическом» пространстве поэзии: поэт и текст в их единстве // От мифа к литературе: Об. в честь 75-летия Е.А. Мелегицкого. М., 1993.

и это позволяет автору синтезировать мифы разных культур. «Над мотилой сплетенье свадоб...» («Петрусь») — развитие древнейшего мотива свадьбы как преодоления смерти, с его растительными обертонами («сплетенье»); «Надо идти в темноте реки, / там покой, примыный покой» — описание нового рождения как прохождения через смерть и (одновременно) переправы через реку — мотив, появляющийся еще в эпосе «Гильгамеш»*.

Оттуда же, из древних мифов — и словно бы разорванный на части, «фрагментированный» персонаж, чьи части, как у Озириса или древнеиндийского Пурushi, соответствуют различным пейзажам, местам, природным явлениям**»: «Сойдет вода полопая во озеро ладонное...» («Юродивый»).

Боярских соединяет мифы разных культур, но чаше — создает новые. Так, «Асклепиада», которая «танцует танец семи покрывал» в греческих мифах отсутствует, это своеобразный синтез имен: поэта Асклепиада и Иридады, которой принесли на блюде голову Иоанна Крестителя. Одновременно Асклепиада — перевоплощение Инанны, шумеро-аккадской богини, которая спускалась в подземный мир и там постепенно освобождалась от внешних покровов: одежда, украшений, наконец, кожи. «Семь покрывал» — семь мистических оболочек (ср. смерть Кашея, которая находилась в яйце, яйце в утке и т. д.): снять эти семь оболочек последовательно невозможно; они вовлекаются в танец, просвечивают одна через другую. Так и сюжеты мифов становятся у Боярских атрибутами своего рода поэтического танца или импровизации, из этих танцев и складываются сюжеты ее стихотворений.

Малые духи, танцующие на окраине обитаемого мира поэзии Екатерины Боярских, — это тайные проекции или желания «я». «Я» поэта расщепляется на фрагменты, которые тоже пытаются заселить этот таинственный окраинный мир.

* См. также об этом в книге В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки».

** Ср.: Толстов В. Н. Первочеловек // Мифы народов мира. Т. 2. С. 300–302.

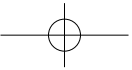
Главные поэтические ориентиры Боярских — Велимир Хлебников и Осип Мандельштам, но прежде всего — все-таки Хлебников*. Поэтику Боярских роднит с поэтикой Хлебникова фольклорно-пантеистическое восприятие природы, пристальное внимание к древним мифам и, наконец, расщепление лирического «я» о котором применительно к Хлебникову писал известный филолог Борис Успенский. Согласно Успенскому, «„я“ в разных местах одного и того же текста [Хлебникова]... наполняется особым содержанием (соотносится с разными лицами)... В результате динамики авторской позиции одни и те же наименования [— „я“, „мы“, „они“ —] соотносятся на протяжении стихотворения с разными лицами; одновременно одни и те же лица именуются различными образом»**.

В стихотворениях Боярских тоже есть подобная смена точек зрения: «А Берая говорю (говорит?)...». «Мы еще не стали иной...», «А мы с тобой — совсем ослыл / а мы с тобой — пропал». Речь от первого лица в ее стихотворениях ведется то в женском, то в мужском, то даже в среднем роде. Это показатель перехода речи к разным персонажам, точнее, раздробленности, не-целности и не-единства субъекта высказывания.

Героиня стихотворения «Жалоба холода и ее прекращение» отождествляет себя с «белым деревом», может быть — с ольхой или с березкой из песни («Во поле березка стояла»), но это дерево — и универсальное, не имеющее четких ботанических примет символическое существо, напоминающее о неопалимой купине и о жертвенной смерти Спасителя:

* Боярских — наследница традиции не только футуризма, но и постфутуризма. В ее текстах можно обнаружить, например, перекички с Владимиром Казakovым, прежде всего — поэтическое овеществление времени: «На берегу, лишь-лишь сердце, вращалось, / бились с исчезновением дни недели».

** Успенский Б. А. К поэтике Хлебникова: проблемы композиции // Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. С. 284–286.

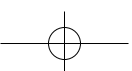

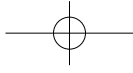
...белое дерево, твердь земная,
в поле гуляло,
эле держалась,
пламя несло (на весу несут!) —
преклонить боюсь.
У него глаза — как холодный воздух, как вознесенье,
дерево падает во спасенье,
рушится, крошится средостенье,
дерево горит в воскресенье...
(«Жалоба холода и ее прекращение»)

Самое удивительное, что этот раздробленный и порванный персонаж — любящий, влюбленный, просящий прощения. Именно из-за того что ее/его «голова отрублена», что она/он растерян(а) и беззащитна (или беззащитен), и можно «с последней прямой» и с безнадежным упорством говорить о любви к другому человеку и о пристальном вглядывании в мир — влюбленном и зачарованном.

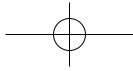
Она легла назад
в дымы первоначала,
ни слова не стыбась,
ни слова не творя.
И не было легко,
но кровь еще стучала:
Люблю. Люблю. Люблю.
Тебя. Тебя. Тебя.

Илья Куккулин

VTP0

Умывание земли

УТПО

Из белых водоплавающих рук
в ее лицо легела стая уток.
Легели тени тела поутру.

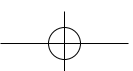
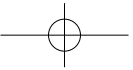
Пока живородящая стала,
живых мальков выплескивала мгла
и ясен был янтарный прожектор —
скользящий перелив небытия,
и половина их была как я —
из тазика умылась и воскресла.

Пока животворящая стала,
уродливая лысая скала,
покачиваясь в толще поднебесной,
плыла в тазу, как семечко тепла,
как девушка, сияла и краснела.

Пока новорожденная стала,
смола, неотделимая от тела,
ей наши очертанья отдала.

В ее лицо, туманное от пара,
легели стая слез без языка...
.....

Недолго с нами держится рука
и карта отступающего дара;
мерцание уйдет одним ударом,
убьет — одним ударом мотылька
об истинное небо, подтверждая,
что он легел иначе, чем упал.
Отдал бы жизнь... а разве не отдал,
когда живешь, прощанья не прощая,

а сам не знаешь, что осталось там?
 Отдал бы жизнь — но тут подводит память...
 Слеша размыты расступок на века,
 расходится подводными кругами,
 а наверху мелькает голова.
 Она еще нужна, чтобы не быть,
 она еще нужна тебе твердить
 до затвердения чуждыми губами:
 «Живущее блуждает между нами», —
 и, ничего не чувствуя, любить.

Черница. Иноземье

УПРО

Все началось с черники,
 от имени ее «алнун»,
 которое каргавят и играют
 на старых дудках
 на старых дудках
 земли Шей-раха*
 маленькие боти.
 У них на пятках розовый узор,
 а на уме туман и зерна тмина.
 Кривую ножку ставят на пенек
 и радостно выпрыгивают вбок,
 почувствовав подземную пружину.
 Там девочка. Она не родилась
 и никогда не будет одинокой.
 Ей волосы расчесывала птица,
 а дальше начиналась полоса,
 неясная от солнечного плеска,
 от легкого биенья дня и ночи
 и мрамора на берегу реки.
 Все началось с черники, от ее
 средневековой кротости и силы.
 Глаза ее еще во снах искали
 свой синий сирый сизый путь,
 свой голубинный отслеп,
 а в начале лега
 у маленькой ладошки заплели,
 она прошла с раскрытыми руками.
 Ее поля смешались с облаками.

* Шей-рах — страна из книги П. Вигля «Соната
 единорога».

Из голосов блаженной темноты
я сотворю печаль,
из виолин воркующих лесов
я позову весну,
из памяти идущих —
тишину
черники на ладошке Иноземья.

Расветный сонет

УТРО

Колоколов не слышно. Снег без-дна.
Сонет двора до-утренних чудес,
Сонет скелета чистого небес,
со всех сторон взлетающего сна
о том, что между небом и землей
есть тени, о которых невозможно...
Неважно, до утра они уйдут.
Сонет души, забытой под подушкой
(зато ее уже не украдут).
Окна не видно, из окна не вид-
но все равно понятно,
что снаружи
сонет собаки Тобика стареет
и мусорные кости не прызгет.
Пока темно, по улицам идет
истанец из семнадцатого века
и думает: «Измена бытия
не так меня терзает, как измена
души моей». Теряя бытие,
летит летит истанец легкокрылый
и думает: «Потеря бытия
не так страшна перед потерей...»
..... Стоп.
Есть тени между солнцем и землей,
Предметы, о которых ни полслова,
Сонета о которых не сложить,
Не выстирать, не высушить, не сгладить.

Комедия

УТРО

I. БЕРЕГ И РАЗЪЕД

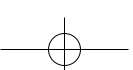
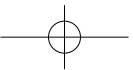
Волны возили, ударились, потрощались.
На берегу, лишившись сердца, вращались,
бились с исчезновением дни недели.

Дни ушли, а водоросли остались.
Водоросли от холода побелели,
стали непленной коркой, и беретгия
ползала по-пластунски, скребла когтями,
плакала над теми и над другими.
Пахнет собачьим кормом
и Мертвым морем.

II. ПРОМЕЖУТОК

Я хотела потрогать Дерево.
На дереве ничего не было.
Ни сверстников, ни ровесников,
ни вестей, ни веток, ни тапочек.

Кожа его темно-белая
завязана грязной тряпчочкой,
истерзана.
Стеречь тебя не надо,
тем более предостеречь.
Ты стонешь и качаешься. Иди.
(И я ушла.)

III. ВМЕСТО ВОСХОЖДЕНИЯ

*
Даже в мотылекке есть род небесный,
 а мне от легкости тошно.
 Воздух милый! что ж я так легковесна,
 что же я так ничтожна!
 Сильные хотят оказаться выше,
 а мне от легкости страшно.
 Воздух-воздух, верни мне душу,
 смотрю навверх, а неба не вижу,
 вижу дом двухэтажный,
 вижу сон двухэтажный.

*
 Как будто утром я взошла навверх
 и там стою, не чувствуя себя,
 не в силах ни подняться, ни спуститься,
 и так от страха тела навверх:

Блаженны не имеющие цвета —
 окраины, болота, гаражи.
 Качели. Однококие собаки.
 Почти расцвет. Они лежат ничком.
 А голоса их носит так высоко...

*
 «Сухой бы я корочкой питалась», —
 пели старушки, идущие в белую землю.
 «Мизерикордия», — тела глухая канава.
 «Милости просим, милости», — пели собачьи детки.
 Пела оградка сырой могилы: «Разве я что-то значу?»
 «Вуду навеки вторая», — не слыша себя от счастья —
 первая скрипка.

*
 А далее мне снится новый сон.
 Как будто я ходила по земле,
 но медленная сила поднимает
 и тянет по немываемой дуге,
 притягивает. Втягивает в солнце.
 Вначале я держалась за траву,
 цеплялась за кусты и за деревья,
 и вдруг оторвалась, а в голове
 оборвалась и высветилась фраза:
 «Останемся живыми голосами».
 И надо ее вспомнить по-латыни,
 но я забыла раньше, чем читала.
 А прочитала раньше, чем родилась.

Утром

Утром выходит глаз из-за век.
 Из-за створок выходит враг.
 Видевшим его все никак,
 видевшим его все ни о чем,
 поэтому я кричу.
 Гостоди, прекрати.
 Гостоди, перестань,
 перестань.

Куда проснуться — не выбирала,
 упала с кровати, опять упала,
 тадала
 во вчерашнюю шкуру,
 но тонкую скобку над забытыми.
 Но враг меня спрятал в долгих забытых рошах,
 тод корой, похожей на страшную кожу,
 и даже между корнями.
 Вся душа заросла лесами
 живыми и мертвыми. Мужскими и женскими голосами.
 Все лицо заросло другими,
 деревянными, нервными, ни-к-какими.

Сколько можно так говорить,
 слишком серьезно и насовсем,
 слишком сложно — наискосок
 и ничего не вы-го-во-дить.
 Почему мне даже нельзя сказать,
 что мне плевать,
 откуда на землю выходит день, —
 когда он ловит меня

в каждом из листьев,
 ловит меня в собственных мыслях
 и даже между людей.

Они шумят: бети, бети
 по колесу своей головы;
 они гремят: уходи, спасайся,
 не выходи из своей груди.
 Это неправда. Мои виденья
 не так страшны, как его пути.
 Утром глаз выходит на свет,
 враг раскаляется добела.
 Вся земля как несколько лет.
 Я ее уже прожила.

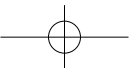
Город где я *

УПРО

Весь ретейником зарос
 главный город серафим,
 он же камень, он же каин,
 он же автор всех развалин,
 он же малый тохтмышш
 с позабудками до крыш,
 победитель — а печален,
 наш осколок и тирад,
 главный город варраван.

*

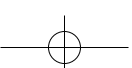
Рабочее название — «Предместье Рабочее».
 Да кому оно тонравится! Кому оно запомнится!
 А люди сразу смотрятся как солнечные кочки,
 а люди тут же гладятся, как солнечные колшки,
 глядят, глядят испуганно,
 как солнечные зайцы из силков.
 Отрученная рассада вырастает под ногами,
 когда мы идем по улице,
 меняя декорации
 легко и широко.
 А мы идем по улице
 не первые сто лет.
 Те же и кордебалет.
 Над землей нависла туча:
 лёша речкин, вана пучкин,
 тречкин, рачкин, водокачкин,
 под ногами мать-земля.
 До земли нависла проза,

по земле растут грибы,
 это место для навоза,
 это место для судьбы.
 Ручи-ечи-ечи-ечек,
 ручеек, ек, ек.
 Под водой таятся трубы,
 там инкубы и суккубы
 и мутанты-комары,
 это место для игры.

*

По трамвайному маршруту не стеша
 вышла голая веселая душа,
 её ловит мышеловка
 за хвосты, за хвосты,
 под ногами просыпаются
 высокие мосты.
 Ты держи ее, столица,
 на окраинах не рвись,
 негде голому укрыться,
 хоть под землю провались.
 Это место для находок,
 для чудовищных вещей,
 одевайся, не стесняйся,
 мы спасенье для людей.
 Полотенце в яйцекежку,
 небо в мелкую монетку,
 мотылек на сарафане
 монастырь на подолу.
 Мотылек на сарафане,
 монастырь на подолу.

* «Город, где я» — название пьесы И. Вырыпаева.

*

Это что за остановка?
 Это речка Ушаковка?
 Это станция Динамо,
 проезжайте сразу мимо,
 тут неладное творится:
 кошка дохлая лежит!
 Не пинайте ее ножкой,
 вместе с этой дохлой кошкой
 мы владеем мирозданьем,
 иглокожим созерцаньем,
 совершенным опереньем,
 почвой, почтой и собой.
 Я люблюсь дохлой кошкой,
 а она дитя эфира —
 выше станции Динамо,
 а она такая дама —
 выше неба и земли.
 Не пинайте ее ножкой,
 эта кошка лучше всех!

*

Я жонглирую на кухне,
 для веселья, для окраски,
 в потолок летит картошка,
 настоящая красotka,
 у нее такие глазки!
 На плите живут кроссовки,
 им сегодня примечталось,
 что совсем-совсем немного
 ждать зимы седой осталось.

Свет мой зеркальце, разбейся,
 разве я зима седава.

Изгнание

УТРО

Вопреки себе, не к себе, а на эту упрямую тропку,
 за эту прямую речку.
 Я удалюсь в изгнание за эту речку.
 Утром путь чуть дымится, тлеет,
 причется за лесами.
 На дороге меня рассудок одну оставил.
 Мир не ловил меня, но поймал,
 и говорить не смею.

Сверху сырое солнце белой тряпочкой машет.
 Матой травой ступаю, сухой ногой наступаю,
 я ухожу в изгнание
 мелкой чудесной дрожью, древесной блажью
 знаю свои пять пальцев,
 знаю свои глаза на коленках,
 крылышки на лодыжках.
 Ирий, ирий — выдох и вдох небесный,
 щепотка ветра, щепотка кедра,
 ирий, ирий — щекочут птицы,
 ирий, — вечнозеленым эхом
 щебечут ветки, а в вешних, в вышних,
 а в небе вербном конем безмерным
 тардугет счастье,
 я прекращаюсь, я превращаюсь,
 превозвращаюсь.
 Я ухожу в изгнание вечнозеленым оком.

ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ

Вот туманные лошади дрогнули, истарились.
Значки-зарубки ушли под кожу, зрачки исчезли.
Мир не ловил меня, но поймал,
и говорить не смею.

ДЕНЬ

Вонзал с закрытыми глазами

ДЕНЬ

Глаза закрыть! Какие глаза? Нет никаких глаз!
Камни убрать! Какие камни? Нет никаких камней!
Недоступность предметов проходит.
Осмотрительность не поймает тебя,
в тебе нет ничего обидного.

* * *

Слепец души танцует в витражах.
 Свидетели молчат.
 По углам,
 по углам перепонкам интонаций,
 по снам под наслоньем деформаций,
 по стучу нерожденных пятипальцев
 в воздушном восхитительном мешке —
 узнай вокзал с закрытыми глазами.

Когда передо мной перечислялось,
 переключалось острое плечо
 и думало:
 уткнутся ли в него
 плазницей или ямочкой виска, —
 тогда он приходил и пропадал,
 тогда он пропадал и оставался,
 со скрипом в возникающих суставах,
 завернутый в высоты пустоты —
 вокзал, вокзал! —
 на жердочке сидел,
 и голос электрический зашел:
 «Я говорю названья городам,
 я увожу к печальным поездам,
 я увожу к нездешним электричкам.
 Но что мне сделать с шевельем слов?
 С сиянием в подземных переходах?
 Но что мне сделать с грустью стариков?» —
 И голос человеческий зашпалак.

Зал ожидания, зал свиданья,
 сплав
 трайбителей и саркофага...

ДЕНЬ

Свидетели — воздушные потоки.
 Отметины останутся навеки.
 Теперь рисуй последнее — лицо.
 Рука дрожит, рука не узнает,
 и волосы поэтому выходят
 такие странные...

...такие и останутся всегда.

Под куполом чириканье китайцев.
 Теперь часов не нужно заводить.

Утني документально

ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ

Шествие уток на всей протяженности легкой реки.

Утки, протяжная видимость: видно, как взлуды взлетают или на цыпочках ходят по глади, как люди.

Тихие птицы похожи на тихие гнезда.

Шествие уток, за ними

шествие лодок, они еще тише, но то же.

Теплится, переливаются, льют через край.

Как мне вместить наводнение,

запленье, безумие желтой травы?

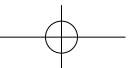
В голове у ней ветер

говорит и творит пустяки,

а ноги в воде.

И дыханье, и сердце в воде.

Шествие уток по солнечной поодиночке.

Я новость видела в телах,
она была еще смешная.

Когда, над дудочкой играя,
превосходила выше глаз,

под ней тлели грязь и слава.

Я задыхалась и рвалась,

еще не говоря, не зная,

что новость носится стремглав,

и это вышнее дыханье —

я новость видела в дверях.

Я новость видела в воде.

Наполним ведра — бросим ведра!

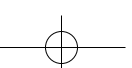
зачем хватать ее за бедра,

зачем держать ее за горло,

раз новость прыгает везде!

Я новость видела в огне,

но там ее не удержала.

ДЕНЬ

Она оставила открытой
печную дверь, и побежала,
и, объясняя Тераклита,
все разгоралась на ходу.

Она потасла. Затянулась,
на все застежки застегнулась.
Она ушла, и я уйду.

Я новость видела в саду.

Пока она не отвернулась,
я новость видела в саду.

Непропорциональный разговор бывшего человека с будущим цветом

ДЕНЬ

РЕПИКА ПЕРВАЯ

Метафоры растений возникают
из пелены, лежащей под ноги.
Кто видел эту смелость, не сторит,
а только посопутствует степенно
зеленых тел по линии любви.
Они не душат, не щемят, не пахнут,
а только слово, взятое на ум,
запеленают в узенькую форму.
Смятения растений глубоки
и никому не нанесут урона.
...Невозможу держаться за рукав.
Хотя бы изнутри, хотя бы столько,
чтобы успеть отдернуть от себя
одну воображаемую руку;
отпрыгнуться колючками от кожи,
не возродиться в силе притяженья.
Ее не существует — и легко...
(Когда я выдуваю пузырь
и лопаясь в распластанном асфальте —
ты помнишь умеревших без тебя?)
Перестает удерживать земля.
День запечатан. Поднимаюсь выше.
На высоте стократного скачка
клубятся и смеркаются деревья
Стремительные... (вдох...)
Сейчас они
сольются в злое сожнутое чувство,
в нетвердый дмириабль-полуцветок;
Свечение растений безволосых
усиливается, и он дрожит,
он по земле танцует на носочках —

Запертые

ДЕНЬ

и трескается,
в стель-керосинку,
в пустую пятку тяжесть набирая.

Я столько лет казалась молодой,
болясь круглосуточных союзом,
однажды побоялась запянуть —
и оказалась рыночной торговкой,
петрушкой, нержавеющей пучком.
Я сократилась до самой себя
и сохранись в расказах очевидцев:
в заманчивой и тесной пустоте
намечен чловечек на пружинке.

Дыхание сжимается. Все уже
хваленый долг, всё туже благодарность.
Захватанные нищие слова
покрыты отпечатками созданий,
в печальный хор смешавших языки.
А я жива внутри толупетка,
я нить в иголке, зеркало и призрак,
хотя они друг с другом не согласны,
не виноваты и не мимо шии.
Медлания растений-стариков
не нарушают общего раствора.
Но я тянусь — и остаюсь за краем
изменчивых и зыбких крепостей.

...без дома, без поэзии, без формы
разбужен поделуй всего со всеми.
Морская пена. Участь на расвете.

РЕШКА ВТОРАЯ

Я свою любовь просил
подарить мне ничего,
а когда она согласилась,
долго в долгом переулке
в небо легкое глядел.

Мы говорили тихо-тихо
о том, как жить без дров зимой.
В буфетемышь нашла вагрушку.
И снег шеттал над головой
о том, что знаок голько трусчи:
уйти живым, отдернуть руку,
бежать, не попадаясь в плен.

Мы говорили тихо-тихо
о том, что нас разбила сила,
и наши взгляды уносило
в открытый пар на месте стекл,
в открытый пар на месте стен.

О том, что горькая малина
без сна в оглушине оврага
и дикий ветер не догонит
остановившейся руки.
Отпавший звук, далекий воздух,
вода, как рваная бумага, —
они не сделали ни шага
уйти живыми от любви.

Они нам снятся с высоты
в шипах невидимых движений,
своим желаньем и сраженьем
они нас держат на весу.

...чем дальше я себя несу,
тем глубже я тебя роняю
в провалы безначальных зим.
Собака родила щенят.
Они лежат на одежде.

Когда мы наклонились к ним,
когда мы встали на колени,
чтобы почуять их тепло,
нас обезглавил серый воздух
и мы рассеялись, разделись,
ушли нагими от потони,
легли под нежное крыло.

Разноязычное молчанье
не разомкнется — разветвится.
Леса разрушились, как лица,
родное эхо истребя.
Мы говорили тихо-тихо,
своих сердец не различая.
Ушли живыми от печали.
Так исчезают из себя.

Лес

ДЕНЬ

Гроб малины, осенний дол,
воздух — ягодных красок скол,
дом одного дня.
В безлюдных пространствах,
высоко в безлюдных пространствах
дышать легко,
да будет соломенно и легко,
да будет пламенно и легко
тому, кто ходит внутри хорьбы,
быть внутри бытия.

Чудо, длинных линий сон,
безмянных движений сонм —
нет в нем ничего, ничего.
Тут места не от мира сего,
ничуть глухад, нездесь.
Дайте мне сказать что хочу —
я люблю единственный лес,
я всегда узнаю его!
Если надо сказать «люблю» —
я это листьям скажу,
я их, как детей, наряжу,
я вас над землей провожу,
удержу на ветру,
не тушу ходить босиком.
Двор малины идет на слом.
В чаше чаши последний жук.
Выше, дальше! — исходит звук
сверх его изводящих струн.
Возле пагоды, видишь, выюн
родников оплетает жмель,
отпускает сухую плеть.

не хотим ни о чем жалеть!
У бессмертья висит крыло,
если сломано, то назло:
нелетучая будет петь.

Я глажу сквозь природу глаз,
я иду единственный лес,
но он все уходит в доль,
движется по любой дуге,
оставляет в моей руке
острый след своего венца —
я рада держать эту боль.

Какого я рода?

Ты лиственница.

По виду вечность, по ветру смерть.

Осенью стоишь без лица,
не на что смотреть.

Я скитаюсь в преддверьях, а в дверь не проник,
слишком устал для таких дверей,
самодвижный,

самодержавный крик
запускаю ввысь, как воздушный змей,
запомнил многое, забыл одно,
берега мои рассыпятся, вынырнет дно,
берега мои воротятся, хлынут ключи,
но и в новье ворота тот же лес засгучит,
дикой малиной
крашу лицо,

кровь и глина, запекшийся сок.

Подожди, лес, дай я скажу,
послушай меня, я тихо скажу.

Я иду. Я стешу.

«Вестро мне вестро», —
говорит-штормит. —

«Тэвататаан»
иллесесин ннэй...»

Я приду. Я пойму.

Няженника

ДЕНЬ

Няженника там больше не расстег.

В оттававшей земле,
у кругосветной грани —
иника ты, сестра —
идти к тебе куда?

На Чёртовой скале
нашла волшебный камень
и встала на него,
чтоб видеть поезд.

Мы встретимся, летя
за сорок поворотов,
свиданье ближе рук
и зренье через рай.
Денника ты, дитя —
лови денек короткий,
прусти его, храни,
играй, не умирай.

Темника ты, земля.
И маленькое тело
оттава, чтобы в нем
дышать, как в детском сне...
...она не поднялась —

она окаменела
и больше не пройдет
по просеке-весне.

Она ушла назад,
где счастье электричек
петляет и свистит
среди кедровых гор,
и кто бы ни был ей

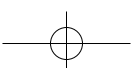
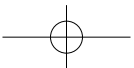
ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ

ответчик и обидчик,
обида и ответ
остались до сих пор.

Никто не соберет
мельчайшие малинки.
И нас не соберет
в невиданной горсти
на разной глубине
единственной тропинкой
идти по одному
прозрачному пути.

Она легла назад,
в дымы первоначала,
ни слова не стыдась,
ни слова не твоя.
И не было легко,
но кровь еще стучала:
Люблю. Люблю. Люблю.
Тебя. Тебя. Тебя.

ВЕЧЕР

Обнаружилось

ВЕЧЕР

Обнаружилось: солнце выскохло, облегело.
Об-наружилось: ближе к вечеру невозможно.
Как обрушилось: не могу прощаться,
хохотать на рельсах,
читать о прошлом,
не могу совмещаться!

Прячусь, путаясь в перифразах.
...как в подвездах,
ошибся дверью,
ложись на коврик.
Всё от холода.

Руки синие, руки лиловые,
остальное бесцветно. И это
тоже от холода.

Что-то сломано, что-то исторчено — самая сердцевина.
Цевин-девина, цвини! — заело пластинку:

Постой, ветка тычется в окна,
тихое рыльце, как у ребенка,
как у летучей свинки,
Постой, лампу трясет от лая,
она охраняет двери сарая,
двери рай, аллитерай...
самую сердцевинку.

Боже, не спитса консервной банке,
она считает себя цыганкой,
она гадает себе на картах,
шелкает каблуками.

Вещи движутся к эпилогу.
Я молчу в ожиданье слова.
Слово душу мне раскололо
и ушло,
никто его не удержит.

Что-то сломано. Так колонна
набегавших начертаний
сокрушается: «Здесь тебя...
(не читается)... здесь никто...
(неразборчиво)...

здесь
никто не удержит».

На крышах сказано, нет, на душах,
в душах сказано: тише, мыши!
Тише, мысли.

Будете тише — и вас услышат,
будете тише — вас
никто не удержит.

Чуждо медленно многолюдно.
Развиднеется то, что смутно.
Ближе к воздуху, чем к потере,
будем плыть под дождем, как звери,
будет холодно, и никто не удержит.

Одно

В В В В В

Птица симург слушает дождь —
к ней вернулось чутье.
И дождь волнуется, как огонь
в сумерках рош,
и ночь ревнует, как любовь,
и всё рифмуется, только тронь,
когда глядит на нее.

Дереву пара влюбленных слов
снится вместо синиц.
На склоне ветра — мокрая соль.
Воздушный мальчик идет босой
на высоте ресниц.

Волна за волной, вокруг прибой —
черемуха и весна.
Одна с одной,
одна со дна,
другая едва видна.
Одна напротив — против — одной,
а вместе — опять одна.

Душа с душой,
одной хорошо,
другая едва живет.
Душа за душой,
одна как озноб,
другая как дон Кихот.
Одной из них хорошо одной,
другой душе — надо стать другой.
Одна убегает,
другая ждет,
и птица симург для нее поет,

Для нее одной.
Или это душа для нее поет?
О том, что вместе они — полет.
Там, надо мной.

Стихи без отчаянья

Р Р Р Р

1
 Урашу тело — большую ветвь,
 цветов, как в яблочный пруд, налью.
 Стараясь. Стрелами затасаясь.
 Врываюсь в миг-на-краю.
 Вооруженный, идущий вкось
 зеленый воздух безмерно бос.
 В прозрачно-теплое оперенье
 прячут лица теницы берез.
 Тело горы и есть ее время,
 есть ее пламень, бремя и детство,
 падешь к ней в ноги или ступишь в темя,
 но горы не зрители человечества.
 Когда гора родится из почки,
 она прохватывает, как ветер,
 горенье ее высочайшей точки —
 самая лучшая боль на свете.
 Она — провидческое круженье,
 ее восторг и покой движенья
 не замечают, какие чары
 мне помогают держаться в тайне,
 когда, невидимы и печальны,
 когда, неведомы и желанны,
 на страшных опорных столбах — на драконах скалы,
 на краешке кончика крылышка острой летучей итлы
 кружатся в медленной спеленной слепи
 солнцем простерты, стертые дети —
 сумерки-зверки,
 сумерки-дверги,
 сумерки-умерки...

2

Листья идут, как дожди, сквозняки помогают дышать,
 Сходятся малое время и самое время.
 Асклепиада танцует рожденье семи покрывал.
 Как ты их удержишь, горчичника?
 Как медленно
 в диком захвате травь,
 в омуте бледном семи круговых созерданий
 движешься,
 как под сиреневой кожей
 видно сквозную, неясную, нежную гладь...
 Асклепиада танцует свеченье семи покрывал.
 Кто еще станет возможным,
 пробьется звездой-невидимкой,
 выйдет в щеголку читалочек, в пух огцвещающих сфер,
 меньшим, чем семечко, братом
 проскачет на звонкой лошадке...
 Асклепиада танцует вращенье семи покрывал.
 Кто еще станет несбыточным? Самая сильная жажда
 все же слабее воды, а самая смертная страсть
 все же щедрее, чем жизнь.
 Я же — одна оболочка, лугливая склера. Внутри —
 меры — удары — порывы дыхання над уровнем моря.
 Асклепиада танцует стеченье семи покрывал.
 Рано печалиться, скоро ли острое утро
 выжжет морщинки в ступнях и проникнет в шаги
 своих беглецов
 на холмах и равнинах
 под сводом семи покрывал.

_____ асклепиада сплетается с грубой ольхой,
 полумертвой, с посыпанной снегом короной.

Баллада падающих

В такие звезды не дышит бог,
 в них ужмирает блеск.
 Они растут, как чертополох,
 на самых краях небес.
 Таким, погнавшимся в невода,
 лето отвесный ход.
 Когда ты сам себе не звезда,
 разве удержит свод?

Она изверилась, извелась,
 сыграем в память того, чья власть
 тнанет ее утасть.

Мотив ольшаника невелик,
 но был как девятый вал.
 Он только раз и обрел язык,
 когда ее укрывал.
 Вошла, и не было никому
 видно, кроме него,
 как она гуляет почти по дну,
 но держится высоко.

Ну что, мой тихий тревожный брат,
 держаший меня в горсти?
 Мы так уродливы, что навряд
 могли бы себя спасти.
 Нам ли с вывернутым нутром
 стыдиться открытых лиц!
 Давай с тобой побежим вдвоем
 по северным склонам вниз.
 Нам ли, брат, замечать следы,
 ждаты испеленья — брось!

Мы так изранены и горды,
 что жжем друг друга насквозь.
 Сопутствуй мне только этот склон,
 листьями застели.
 Пройду по ним, как иду на трон,
 а там я коснусь земли.

Автоответчик Святого Грааля

Р
Р
Р
Р

Зеленый мотылек колотился о свет,
 пластмассовым крылом отбивал печаль,
 под полудный клекот перелетных лет
 собиравшись рыцари искать Грааль.
 Я автоответчик короля Артура,
 абонент временно недоступен.
 Едет на восток в ореоле воли.
 Младшее море — то колесо зори.
 Путь ему по краешку судного дня,
 ветер напросился вместо коня,
 укал дорога улетает в бота,
 тальцы на подметках, удержите меня.
 Среднее море — там по горло стекло,
 бредит мотылек на плече, как сокол,
 время рассекают часы-качели.
 Скачет бедный рыцарь предназначеня.
 Сердце на дороге, как ленивый хлам,
 уткнулось в ноги, развалилось пополам,
 держит крепко — поход окончен.
 Вот что значит оказаться там.
 Высшее море — выше крыши срама,
 рыцарь не умеет ни вперед, ни прямо.
 Я автоответчик Святого Грааля,
 абонент временно нераделен.
 Растущему окну в ненаглядную тьму
 холодно стоять на виду одному,
 рыцарь настоящий, а Грааль — подделка,
 а рыцарь существует, чтобы ехать к нему.
 Где-то в вышине развязалась прорава,
 камнем на душе поломало ребра,
 канул кувырком из кристалльной сферы
 решник на костер самодельной веры.

Смертник и бессмертник, погибший дважды,
 выйди победителем с Божьей тьмой,
 силу положи под лежачий камень —
 тело покидает дурная память.
 Смертник и бессмертник в единой фазе
 шифром говорят об обрыве связи,
 я автоответчик, я вижу кожей —
 абонент временно уничтожен.
 Усталый рыцарь выходил из себя,
 становился вокруг самого себя,
 укрывал себя, как пустой доспех,
 забирался в тело, превращался в смех.
 Паснут голоса в телефонной сети,
 я автоответчик, и я в ответе,
 я автоответчик с отрывным текстом,
 жеваная запись с нулевым квестом,
 бьется мотылек с никакого бонку,
 только бы успеть засмеяться к сроку,
 веселый рыцарь не достигнет цели,
 не достигнет цели, и слава Боту.

Убегая от боли

Р Р Р Р

Эти семь дней
 мне жить как дурной собаке,
 более чем ругая,
 более чем встопинная
 (раз... Два... Три) — убегая от боли.

Гори-гори, молодая шкурка,
 лети-лети, человекья щетка,
 бывшая царь-девица.
 Рвется где тонко, движется как попало.
 Мысли негде остановиться
 (катись отсюда!) — убегая от боли.

Так устала, не так как вы.
 Так устала, не так как мы.

Слова не слова, не словами просила,
 даже ведьма в лесу на порог не пустила
 (и не спасли) — зачем просила? —
 убегая от боли.

Зеркало радости всех движений
 (мир заострился, а сам я не острый)
 стало сыпаться, как известка,
 стало выглядеть как клеенка —
 жидким и желтым.

Дай тогда я буду крыжовник!
 Дай я буду стоять на месте!

...По мне ползают, плавают
 насекомые-руки, незнакомые-люди.

Вот несут мою голову,
толюю, на серебряном блюде.

Путешественнику
остается шаг,
остается такое время —
наблюдать себя,
все внутри раскладывать
по стаканам. Убегаю от боли,
падаю, падаю, проклиная,
я еще буду
жонглировать ягодами...

Спор разоруженного со своей душой. Фрагменты папируса

ВЕР

Женский голос уснул в саду,
мужеский голос затих в пруду,
рыба в небе, птица в аду,
птицу бросает в дрожь.
Идут, качаются на ходу
пруды в бреду и садят во льду.
Я живу в последнем ряду,
а ты нигде не живешь.

Там, внутри, по моим углам
жизнь расходится пополам,
там серебрится рябая зимняя боль,
это мальчик плавает, бьет хвостом,
это рыбка лежит пластом,
но скорей всего
легают особая моль,

ей плавать, кровотоку не кровотоку,
теплый бою, носовой платок...
Голос-голос, какой в нем прок?

вчера, сегодня и позавчера
я нарушаю границы того,
что можно сказать.

Стали отвесными — не взойти —
все эти улитки, голоса.
Ветер свертывался змеей,
потом прикидывался землей,
легко и смешно бежать, да нельзя дышать.
Потом земля укусила за ногу. Я не смогла идти
.....
.....

ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ

Рассвет. Кровоточащий телевизор.
Не нарушая хода сердца, втайне.
Не наяву такое говорит.

...Некто.
Некто, среднего роста, не помнит названий,
стремится к преобразению по системе А,
то есть любит
половинчатую особь чужой породы.

Они.
Они не такие, они возмущенно раскрылись,
Они ласточками кинулись бы за реку,
но это невозможно,
поэтому лучше гулять по чудесным.....

Тяжело смеется, беззвучно рвется.
Дорого обойдется.
Поэтому лучше гулять по чудесным местам.
А там
я успокою небо и землю.
Только пуская земля
сначала сама упокоит сосны,
утешит плачущую траву.
Женский голос — как нежный крик.
Старый голос, совсем убик.
Ты живешь, а я не живу,
Я нипде не живу.

Атлантида (немного больше, чем ничего)

*
Что же такое траввай,
идущий по краю леса
в маленький город?
Стекла его безмятежны,
внутри герметический плеск.
там золотой хор колхиды,
искрающий, скрывающийся.
Что же такое лес, идущий
по краю света, взметая
малую руку, большую руку
и листья призыв (их песни
доделывать я не буду)?
Пробегает некоторое время, убегая от охотников.
Пребывающий в боте пребывает в любви,
я пребываю в шизофрении,
а лес пребывает в себе.

*
Было живое —
куда потом укатилось?
Мысли ушли в ночное.
Когда открываю глаза,
никого не вижу.

*
Нарядившись безглазым чудмищем,
легче смотреться в зеркало.
Народившись безглазым чудмищем.

*
 Я никогда не смогу
 написать правду,
 поэтому
 все время вру.
 Или наоборот?
 Или наоборот.
 Или — или. Зачем оставил меня
 в сердечной болезни?
 Не обдели меня воздухом, Господи.

*
 Стерла фонарь,
 Чтобы стало страшно.
 Пусть меня режут ножом.
 Стерла отца.

*
 Надо вести себя так,
 как будто свободна.
 Где уютно,
 как уютно,
 с кем уютно.
 Официально — свободна.

*
 Я или город —
 понять, кто быстрее сжимается.
 Двое поместимся в варежку.
 Выдаёт наоборот.
 Вот женщина расширяется.
 Ей хорошо.
 У ней будет ребенок.
 А у меня никого не будет.

*
 Их приносит мальчик в шапке,
 всё приносит:
 рифмы новые, веселье,
 весомые, соленые —
 любви!
 Нелюбимые — любви.

*
 Долгие провода —
 лишние.
 Я ненавижу
 слезные железы.
 Не могу согреть
 на счастливых женщин.
 Стаси ты меня,
 просвети об стенку,
 чтоб больно было.

*
 Потрогай котика, душа,
 он без помехи тан,
 он моет лапы в решете,
 он точит когти в нищете,
 а мы с тобой — совсем остыли,
 а мы с тобой — пропал.
 Не трогай котика, душа,
 он тоже исчезал.

*
Для одних пустая кукла — душа,
для других чужие слезы — рыбий пузырь.
Если я когда-нибудь выйду на свет,
если я еще когда-нибудь выйду на след,
если я когда-нибудь выйду —
я буду не там.

*
Давились строчки, сорочьи дети,
просят одети,
нет им сорочки,
нет им заплатки,
толпе, в прятки играли,
простите, избили меня,
уязвили меня.
Коротки руки,
истипили меня,
ослепили меня.
Я легла на пол,
забыли, затмили меня.

*
Занавесила окно шалью,
занавесила сверху молю,
занавесила сверху пльлю.
Не помогло.
Занавесила окно солнцем!
Не помогло.

*
Каждое слово сказано с трона,
Каждое слово связано (с) тоном.
Я опечатка.
Двляюсь ли я
правопреемником
достоинства этих стихов?

*
Хвастаться, нектра?!
Куда, подожди,
тубы разбей, разбери, собери
зубы, постой, разворуй, заболтай,
севшую тень на закорках таскай.
Хвастаться, микра, еще никогда не пора.

*
Ох и трудная эта работа —
из боюга тащить Атлантиду!

*
У меня нет сил
и нет силков,
у меня нет слов и газеты «Весть» —
и, закрыв кавычки
с любовью строки,
обращаюсь к сердцу
в черновики.
Черновик безбожен — какая гладь!
Черновик ничтожен — с него не взять.
Черновик на страже внутри пружин.
Он такой как сажа, как рыбий жир.
Он одиноко, но многоок,
его, быть может, слишком много.
Неразрешимые края —
какие острые (здесь я)
у бога.

Романс на обратной стороне фотки**ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ**

*

Неисчерпаема — как река.

Если дано, никуда не уйдет.

Лед —

это тоже вода.

В коммунальной гостке, в парандже, в сарафане.

Надышали — тепло, обветшали — плевать.

Этот город, как старая кожа, ничей,

и ему безразлично, кого согревать.

(Здесь когда-то был дом, а теперь полынья,

неподимое место, боится живых.

Здесь когда-то был дом. Здесь когда-то был я.

А теперь я стою, и смотрю, и привывк.)

В этом городе нет ничего, кроме крыш,

одержимых победным паденьем дождя,

а внизу — только плесень и чуткая тишь,

да какая-то гочка уходит в себя.

Разреши мне узнать, что там колет глаза —

это вышла во двор покормить голубей

невидимка-старушка, седая коса,

так мала, что живет на ладони твоей.

Вот горячка ее занесла в хоровод,

вот нога не стерпела земли скаковой,

и ночная рубашка о семь рукавов

так легко потащила ее за собой...

Разреши мне забыть, как она босиком,

как она, оперившаяся в лоскутки,

задыхаясь, взлетит в свой немьслимый дом

на 12-й линии мертвой руки.

А внизу только плесень и холод с Невы.

Ни шелчка, ни насмешки в усталых вещах.

Всё восходит. Щенята, скелеты и львы

забираются в небо, не в силах плавать.

Исчезают. Не воздуху поминить следы.

Ни трапья ни двора. Ни котья ни шита.

Но как только лицо потеряло черту,

их сто крат воскресила моя нищета —

Онраина Документально**ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ**

Очертя — твою — голову.
 Тысячу лет
 над потерянными городом мне кочевать,
 Но зато я увижу, как тронутся с мест,
 в ледовитой воде поплывут острова.
 Разреши мне сказать, что большая рука
 ищет память в земле, не жалея костей.
 Если кровь наша — камень, а плоть — облака,
 значит, мы не ошиблись в своей высоте.

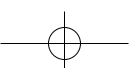
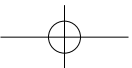
Усталость плывет
 по лунным полям,
 полынным полям,
 холодным полям.
 Экзамен идет при открытых дверях,
 а суд —
 при закрытых дверях.

Незнакомки, невесомики, разнополюные надежды
 падают на скамейки, на кромки мира.
 Они очарованы нестерпимым.
 Мылые, мыльные, лишние,
 лопаются — как нищие,
 когда прикасаются к милосердию.
 Где-то в предместье (или в предместьи).
 Если дышать в себя — будет внутри тепло?
 Если уйти в себя — выйдешь внутри тепла?
 На остановке смотрела в забор,
 замерзла в забор,
 стала,
 видела, как мой раскрашенный снепок кидается в снег
 (бьются бутылки, а я — кристаллический склеп).
 улица Натюрная улица Крамольная
 улица Подпольная улица Подземная
 улица Вселенная.
 Тут еще есть лепрозорий погибших медведей.
 Многие люди знакомятся с ним изнутри.
 На лицах у них —
 удивление потусторонних.
 Улица Детская Пятка.
 Меня зовут Двое.
 Это не воздух, а склад замерзающих душ:

ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ

еле видны, никому не нужны... вереницы собак и ворон,
старый любовник, которого больше не терпит земля,
вот самолетик, смертельно уставший дышать,
нет, это медленно плавают старая рыба,
тихая-тихая, не защищается,
это вращается
в воздухе
мой нержавеющей крик.
«Я не могу это вынести.
Я не могу это видеть».
Мне бы увидеть тебя,
и ослепнуть,
и видеть тебя
в темноте.

НОЧЬ

Петрусь*

НОЧЬ

Для Олвен

Петрусь по гончайшей на солнце тиши
прожил десять лет, от живых отступив на разук.
Кто бы по гончайшему солнцу вышел,
кто бы по тягчайшему солнцу выжог
слезы источившего солнце глаза,
червогоки, праймы змея,
чернотропы тайного лаза?
Десять лет в саду лежал, выцветая,
на нем была мантия дымовая,
мантия из покровы мая —
прародина. Там Хелена
молился не в теснину неба —
на теньку, спрятанную в объятьях,
на точку памяти: «Петрусь, хватит!»
Не хватит
крика, чтоб вызвать,
не хватит взгляда,
чтоб выкрасить контуры,
расслоеня цвета,
двоенье тлена на свет и славу.
На правом глазу у него пчелава
вцепилась и сидит, не кусает.
Над могилой сплетенья свадеб.
Гниют насекомые травы.
Звери длеют. Хелена тлеет,
неразменную силу трагит:
«Петрусь, хватит ли?»
Да не хватит.
Огорви от земли бессмертник, и я растаю.

* Петрусь и Хелена — герои повести
Тадеша Конвицкого «Вохинь».

Юродивый

ЕКАТЕРИНА БОЯРСКИХ

Там, где мыши укрывли норы,
 есть последние коридоры.
 Дальше, Петрусь, свою дорогу
 сама узнаю.
 Надо идти в темноте рекой,
 там покой, приемный покой.
 Пять прерывистых выдохов около выхода,
 дальше подкожный вой:
 вот он мой потайной,
 костяной мой
 король
 с консервированной головой.

Огонь дыхання в плуши ночной взлетает и падает,
 взлетает — падает.

Сел юродивый за стеной, достал меня из-за пазухи.
 Юродивый, кто я такой?
 Он смеется, не улыбается,
 белым светом заливается, следы свои переставляет.

Ты протнула до кости, доношкка,
 такая ты гадина, такая уродина,
 ты безумная,
 бабам бы вязать тебя,
 да ты змейка ж переливчатая,
 выскользнешь ты, змейка песчаная, пересыпчатая,
 визливая, игривая, лаковая,
 скрученная как цветок.

Приползет к тебе Змей — Ласковый Цвет,
 а его и рядом не узнать,
 да вас и вместе не разберешь.

Доченька, солнышко, вербушко,
 змея ты крапленая!
 Впловину солнце теплое,
 половина грязи чистая,
 впловину люди добрые.
 Бить бы тебя, да некому,
 быть бы возле тебя, да некому.

Рука плавала возле тела,
 рука плакала, когда выводила
 не то, что любила, а то, что легче.
 Можно, я прыгну тебе навстречу?
 Когда я прыгну к тебе навстречу?
 Сойдет вода пологая во озеро ладонное,
 заболит у тебя безымянный палец,

а ты лежи не встряхивайся,
 лежи не отглядывайся.
 Будут свет топить,
 на стекляннном лбу
 вырастут деревья слезные,
 лягут долины слезные,
 а ты лежи не всматривайся, лежи не отглядывайся.
 За рекой города ажурные,
 а ты лежи, ясенька,
 не являйся, пока не томишься.
 Не расшлетяйся, келмичка, выздоровливай.
 Возьми уголек.
 Я тока болтал,
 я твой жар то руке катал.
 Посмотри на свой уголек.

Спасение

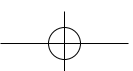
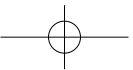
НОЧЬ

Один видел:
 я буду лестницей, —
 и ушел в сырую тюрьму.

Другой понял:
 я буду досками, —
 остался голым и ждал внизу.

Последний стал потребом:
 опустился, сам лег лицом
 и залил себя бетоном доверху.

И тогда из погребца вышла стена —
 та косточка, что лежала внизу
 и была им матерью.

Жалоба холода и ее превращение

Раньше старалась помнить, боялась забыть,
 а теперь не может заснуть,
 на лестнице хриплой не может схватиться,
 по лестнице гиблой не может спуститься в подвал.
 А там шумит отравленный вал
 в раковине ушной,
 чудные дети на гладких ногах льются к подземной реке,
 с тенюю сходятся их черты
 несбыточной красотою.
 Белая говорит: «Убегу»,
 а Серая, жуткая, говорит:
 «Появись, покажись, я с места не тронусь,
 никуда не уйду».
 Белая говорит так:
 я поминутно смываю сон
 со своих рук.
 О, спрячь меня среди лошадей,
 среди желтых бабочек,
 среди своих дочерей,
 о, спрячь меня, пока он не смыт,
 спрячь меня среди них.
 А Серая говорю (говорит?),
 пристально—серая говорит:
 не бросай меня среди дочерей,
 не оставь меня — не жалей.
 Мы еще не сошли с орбит,
 поэтому он и скрыт.
 Огюе нам его примирить,
 неже нам его разделить.
 Мы еще не стали иной —
 поэтому он и спит.

Раньше верила древу и дровым богам,
 тогда читала прозу по слогам.

Жалобы холода, жалобы духа,
 которому слон наступил на ухо,
 а был он легкий как мох, как пух,
 как мой раздавленный слух.
 Что я слышала, то и пела,
 у печки сидя, себя не зная,
 сама не грела, а все же грелась,
 теперь вызываю пожар и жалость;
 белое дерево, тварь земная,
 в поле гуляло,
 еле держалось,
 пламя несло (на весу нес!) —
 преклонить боялось.
 У него глаза — как холодный воздух, как вознесенье,
 дерево падает во спасенье,
 рушится, крошится средостенье,
 дерево горит в воскресенье,
 не горит в наказанье.
 Пламя невидно ушло искать,
 пламя невидно прошло по жилкам,
 по трубочкам, растопыткам ручек.
 Выбрось краски, оно само
 всеми цветами тебя замучит.
 Ты молчишь, ты не можешь быть.
 Чтобы ты совсем не пропал,
 пока я в силах тебя творить,
 буду за тебя говорить
 со мной.
 Пока я в силах тебя любить,
 буду за тебя уходить,
 раньше боялось вспомнить, пыталось забыть, а теперь!
 Лестница сбрасывает меня,
 рвет и терзает, как малый зверь,
 но нет зверя сильнее огня,
 и нет укуса светлей огня,
 и нет пути быстрее огня,
 и нет потемок истинней тех,
 куда он гонит меня.

Прощание людей и кораблей

Ее накрыли ржавым одеялом,
 позвали в белой паузе рассвета.
 Ей виделась калитка из тумана,
 ей виделась тропинка из ореха.
 Ей встретилось растение кораблик,
 дрожит в воде как палочка, как стица.
 Скажи: я не могу остановиться.

Она держала на себе лицо,
 и падала над зеркалом крошечным,
 и заливалась смехом водяным.
 Ей виделось все мертвое живым,
 а выше горизонта — где окно, —
 как вросшие в материко огни,
 стояли в ожиданье корабли.

Они молчали, глядя на нее.
 Ее позвали только попрощаться.

Вода ее разъяла до костей,
 и ей пришлось найти в себе людей;
 скажи: меня искали между ними,
 я буду говорить не за себя.

Мы расстаемся с вами, корабли.
 Мы заблудились в логове земли,
 одеты в ямы, скрыты в разговорах.
 Скажи: я забиваюсь в эти норы,
 чтобы скорей подохнуть от любви.

Сияла преисподняя воды.
 Она глаза, как руки, протянула —
 и прикоснулась к телу слепоты.

Скажи: я не могу пройти преряду!
 Скажи: я только чувствую границу!
 Сильнее зренья мучается радость.
 Молчи. Я не могу остановиться.

Подпрыгивали камушки внутри.
 Теряли очерканья корабли.
 Она хотела исцарапать воздух,
 чтоб поскорей проснуться от любви.

...стояли на обрыве и смотрели,
 стояли и смотрели, как во сне,
 а им соларис мысли шевелил,
 и мимо сердца пеной пробегал,
 и тихо-тихо плакал в животе.

пта!
гайный лес будет напротив тебя,
против тебя,
вся!

*
Бурелотий, огненосный
ожидает на закате,
сто голов закинул в небо.

Ливнегривый, совоокий
из реки выходит ночью,
сто голов шумят в тумане.

Голодревый, глиноногий
босиком стоит не дышит,
наверху сухие гнезда.

Даль — прозрачные ворота.

*
перья — перья,
перья те перья,
дом из колочечек,
вход из болячек
Выбросив перья,
чешуекрды
высветили дорогу.

Перья — перья,
перья — перья.

*
Этой ночью я мотылек,
моя кожа — далекий свет,
над обрывом теплый поток,
дальше —
медленный крут,
шат
с воздушных ступеней,
путь,
который впадает
в тысячешумную ночь,
мать мотыльков.

*
Посреди атаки сада
шемаханская царевна
на спине лежит как снег

*
хотела сказать
дух моя крепость,
а получается «мой забор»
поделю у забора руку
вог и дотянулась

*
шизерлазая ты, узеллазая ты,
пса!
сшить бы тебе глаза на затылке,

*
Утром перловое,
днем молоко,
а вечером неба нет.
Есть пограничье, веер огней,
есть приближенья, книга огней,
взгляд, свечение на окне —
это несвет.

*
зверь-смерть
бог в озере
сосна на берегу
идет купаться

*
рождение все ближе —
так от рук
бегут ручные белки

*
Белки — это такие птицы!
А я-то чуть не упала!

Птицы!
А я-то чуть не убила!

Так звучит двухголовый страх:
охота на белок.

*
Дракон соответствует силе,
а крот соответствует сердцу,
а нежность — как нож по воде
и уже уходит, смотри.

*
лилии растут
на берегу холодного чулана

*
В городе мертвых
стенки праздников из воды,
стороня улиц
разделены рекой,
стены, стгнившие до смянья,
счастье до нищеты:
стали собой,
когда заросли травой.

Выбиты и стерты оборотовороты
на каждой стене.
Обнимаю углы,
целую пороги.
В упавшем окне
змеяется сватки недорастений,
а их сестра, не змея, не тень,
уже спит на дне
и мчится в бездну,
роняя силы,
глотая сны.
Никто из встречных
не может вынести
ее белизны.

Как я сюда попала?
Я здесь была.

...Никто из вечных
не видит ее белизны.

*
устал быть столпотвореньем
обернулся белым светом
во все стороны ушел

*
ранила,
раскроила
скрытые улицы
вог и открылась
рваная рань
утренняя

ночь, со всеми ее пожарами,
глубокими странами,
шагами живых оков
ушла

необитаема вода облаков

*
Нец-нец-нец —
топором шел ветер
по божьей груди.
Он хотел бы надвое разбить,
но не видел,
кого нашел.

НОЧЬ

Под солнцем время рек,
легко снимается стеснительная плотность ожидааний
вне старости и скорости земля в бессмертном
воздухе шершава, но прозрачна
кузнечики кузнечики цветы и вдруг зима проплетает
в сумрачные шели —
под солнцем время рек не замечает, как меняются
летучие сезоны, как немислимо мерцают времена.

Пропало все, что создано, в глухие одуванчики, ушло
в столетний клевер,
играет, как умеет, это счастье — ничего не выбирать.
Никто не заболел, не состарился, убийца не войдет
и не напомнит
под солнцем день единственный и верный, время правды,
время Будды, время рек.

Под солнцем время рек, и сердцу хочется прийти издалека
по первобытному потоку,
там хриплый теплый голос создается, как кристалл, терзает
в песне протяженность
неумения.

Усталость отменяется внутри, как неспособная
к особому полету,
свергло, и неизвестные окрестности божественно-пусты,
и голова
не думает о том, кто отрубил ее, стрекочет, и щекочет,
и летает,
и бездумно чуть заметно повторяет:
ну пожалуйста, пожалуйста, прости меня, прости меня,
прости меня, прости меня, прости

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Илья Кукулин. «Останемся живыми голосами»:</i> Поэзия Екатерины Боярских	5	Атлантида (немного больше, чем ничего) Романс на обратной стороне фотки Окраина документально	63 69 71
УТРО		НОЧЬ	
Умывание земли	15	Петрусь	75
Черника. Иноземье	17	Юродивый	77
Рассветный сонет	19	Спасение	79
Комедия	20	Жалоба холода и ее прекращение	80
Утром	24	Прощание людей и кораблей	82
Город где я	26	Книга оборотней	84
Изгнание	29	«Под солнцем время рек...»	89
ДЕНЬ			
Вокзал с закрытыми глазами	33		
«Летец души танцует в виражах...»	34		
Утки документально	36		
Неправильное рондо	37		
Непротогонимальный разговор			
Бывшего человека с будущим цветом	39		
Запертые	41		
Лес	43		
Княженка	45		
ВЕЧЕР			
Обнаружилось	49		
Одно	51		
Стихи без отчаянья	53		
Баллада падающих	55		
Автоответчик святого Граала	57		
Убегая от боли	59		
Спор разоруженного со своей душой.			
Фрагменты папируса	61		

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР «ГЛАВРЕДАКЛУБ»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

И. МАШИНСКАЯ

«**Путнику снится**»

*

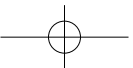
Л. ЧЕРТКОВ

«**Стихотворения**»

*

К. РУБАХИН

«**Книга пассажира**»

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР «ГЛАВРЕДАКЛУБ»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Г. КОРИН

«**Муза и автопортрет**»

*

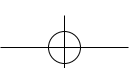
И. ЛИСНЯСКАЯ

«**Мерушатимская тетрадь**»

*

С. ЛЬВОВСКИЙ

«**Стихи о родине**»

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР-ГАЛЕРЕЯ-КЛУБ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

М. ГЕЙДЕ

«Время ольгения вещей»

*

П. НАСТИН

«Язык жестов»

*

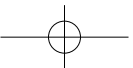
Е. КЕЛЕР

«Уроки молчания»

*

К. БАНДУРОВСКИЙ

«Диттих»

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

ПРОЕКТ О.Г.И.
КНИЖНЫЙ ЦЕНТР-ГАЛЕРЕЯ-КЛУБ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

О. ШАТЫБЕЛКО

«Воот»

*

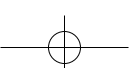
Е. РИЦ

«Возвращение к легкости»

*

Ю. ТИШКОВСКАЯ

«Дальше зренья»

Литературно-художественное издание

Боярских Екатерина Геннадьевна Дагаз

Идея серии: Д. Борисов, Н. Охотин

Ответственный редактор Е. Савина

Ведущий редактор О. Старикова

Макет серии С. Митурнич

Обложка: М. Авдин

Компьютерная верстка: А. Иванов

Объединенное гуманитарное издательство
103051, Москва, ул. Перовка, 26, стр. 8

Факс: (095) 924-57 61, тел.: (095) 744-3170

е-мэйл: info@ogi.ru

Книги издательства ОПИ можно приобрести:

м. «Чистые пруды», Курьиколенный пер., д. 10, стр. 5, кафе «Билингва»;

м. «Чистые пруды», Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2, клуб «Проект 0.Г.И.»;

Кафе «Пиротти»: м. «Площадь Революции»/«Лубанка», ул. Никольская, д. 19/21;

м. «Охотный ряд»/«Тетрадьная», ул. Большая Дмитровка, д. 12/1, стр. 1;

м. «Перово», Зеленый прост., д. 5/12

Заказать книги ОПИ можно: тел. (095) 744-3171, е-мэйл: info@ogi.ru

Оптовые продажи: тел. (095) 744-3171, е-мэйл: info@ogi.ru

За пределами России наши книги можно купить: www.estetism.com

Подписано в печать 29.03.2005. Формат 84×108 1/32. Гарнитура **OfficinaSetif**.

Объем 3 печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Заказ №